

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2021 г. Г. Фейгин

ФЕЙГИН Григорий Феликсович, доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, РФ, 191023 Санкт-Петербург,
ул. Садовая, 21;
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, РФ, 192238 Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
(fgrig@list.ru).

Статья поступила в редакцию 01.11.2020.

В статье предложена авторская трактовка отличия понятия “глобализация” от иных терминов, характеризующих развитие мировой экономики (“интернационализация”, “международное разделение труда”). Систематизированы формы проявления глобализации с учетом долгосрочных тенденций начиная с 1970-х годов и особенностей развития в посткризисный период с 2010 г. Представлена интерпретация характерных черт современной модели глобализации с использованием корреляционно-регрессионного анализа и расчетов автора на основе введенных параметров. Проанализированы тенденции, отражающие соотношение феноменов догоняющего развития и поляризации в условиях глобализации. Показана взаимосвязь глобализационной активности стран и уровня ВВП на душу населения с использованием значений комбинированного индекса *KOF Globalization Index*.

Ключевые слова: глобализация, международная торговля, прямые иностранные инвестиции, международные портфельные инвестиции, региональная интеграция, глобализационная модель, догоняющее развитие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13

Термин “глобализация” приобрел огромную популярность в 1990–2000 гг. Однако после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. стали происходить процессы, свидетельствующие о явных изменениях глобализационного мегатренда. Появились радикальные оценки, вплоть до введения в научный оборот термина “деглобализация”. Высказываются идеи поиска иной модели, которая обеспечивала бы большую социальную справедливость в распределении мирового ВВП. Актуальными представляются исследование форм проявления этого феномена с учетом новых тенденций, проявившихся после 2010 г., комплексный анализ современной мирохозяйственной модели, а также рассмотрение проблемы межстрановой дифференциации доходов населения.

НОВЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВЫЙ ФЕНОМЕН?

С момента появления термина “глобализация” в 1983 г. его новизна подвергалась сомнению [1]. Ранее были широко известны термины “интернационализация”, “международное разделение труда”, “международные хозяйственные связи”, у которых с новым термином нет “глухой стены”. Во второй половине XX в. мировая экономика все больше принимает форму единого целого. По оценкам Всемирного банка, уже к середине 1990-х го-

дов около 90% населения Земли участвовало в глобальных процессах [2]. Массовая вовлеченность субъектов в процесс осуществления международных хозяйственных транзакций, а также уровень их взаимосвязи и взаимозависимости стали, с нашей точки зрения, основными критериями, определяющими отличия феномена глобализации от иных форм международной кооперации.

В строгом смысле этот мегатренд есть становление хозяйственного миропорядка, который предполагает абсолютную гомогенность хозяйственных процессов [3]. Глобальная экономика интерпретируется “как единая система в планетарном объеме”, где рынки, менеджмент и институты полностью взаимосвязаны [4]. В качестве конечного результата процесса глобализации представляется миропорядок, для которого характерны идентичность условий ведения хозяйственной деятельности и уровень общественного благосостояния во всем мире, а также полное отсутствие каких-либо барьеров для трансграничного передвижения факторов производств и конечных продуктов [5].

Подобное состояние еще не достигнуто. Однако происходящие в последние десятилетия процессы можно рассматривать как движение в направлении повышения степени гомогенности в организации хозяйственного мироустройства. Поэтому использование термина “глобализация” на современном этапе представляется оправданным в контексте

перехода международных экономических взаимосвязей в принципиально новое качество.

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПОСТКРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

Глобализация как мегатренд в полной мере стала реальностью во второй половине XX в. [6, 7]. Формы ее проявления могут быть систематизированы с учетом долгосрочного развития мирового хозяйства с 1970-х годов и некоторых новых тенденций, наметившихся уже после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

В период с 1972 по 2008 г. объемы экспортно-импортных операций постоянно увеличивались. Интенсивность торговли между отдельными странами росла, чему способствовал курс на либерализацию торгового порядка. Объем годовых экспортных операций в текущих ценах в 2008 г. превышал аналогичный показатель 1972 г. в 40 раз, достигнув почти 20 трлн долл. При этом годовой экспорт в 1980 г. по сравнению с 1972 г. вырос в 4.6 раза; в 1990 г. по сравнению с 1980 г. – в 1.9 раза; в 2000 г. по сравнению с 1990 г. – в 1.8 раза; а в 2008 г. по сравнению с 2000 г. – в 2.5 раза. С 2011 по 2019 г. объемы экспортных операций колебались в диапазоне от 21 трлн (2016 г.) до 25 трлн долл. (2018 г.) [8]¹.

До 2011 г. для многих стран был характерен рост уровня открытости (отношение суммы объемов экспорта и импорта к ВВП). Так, этот показатель увеличивался в период с 1972 по 2011 г. с 0.11 до 0.31 для США; с 0.35 до 0.85 для Германии; с 0.38 до 1.11 для Южной Кореи; с 0.06 до 0.51 для Китая. В дальнейшем рост уровня открытости для этих стран прекратился.

Одной из причин прекращения роста объемов мировой торговли после 2011 г. стали ослабление роли дешевого труда, используемого в бедных странах, и перестройка производственных цепочек в рамках ТНК. Несмотря на то что практически все страны в настоящее время вовлечены в международные торговые операции, более половины мирового экспорта осуществляет сравнительно небольшое количество крупнейших компаний-экспортеров.

В 2017 г. по сравнению с 1995 г. в мировом экспорте несколько сократилась доля США, Германии, Франции, Великобритании и Италии. Однако положение индустриальных стран продолжает оставаться достаточно прочным. Эти страны экспортируют около 2/3 товаров и услуг, что объясняется высоким уровнем конкурентоспособности компаний, зарегистрированных на территории этих

стран. В последние два десятилетия существенный прорыв совершил Китай. В 1995 г. его доля в мировом экспорте составляла 2.3%, а к 2017 г. выросла до 10.6%. Тем самым Китай превратился в мощного конкурента ведущих экспортеров.

Очевидно, что стабилизация объемов международных торговых операций после 2011 г. еще не свидетельствует об отсутствии прогресса в контексте глобализации в данной сфере. Однако пандемия *COVID-19* с высокой степенью вероятности окажет негативное влияние на динамику мировой торговли. По некоторым экспертным оценкам, в ближайшие время объем международных торговых операций может сократиться на 13–32% в связи с многочисленными ограничениями, обусловленными введением карантинных мер. Они затрагивают особенности сертификации экспортируемых товаров, процедуры растаможивания и т. д. Определенные изменения касаются и построения логистических цепочек [9]. Негативное влияние пандемии может усилить наметившуюся тенденцию прекращения роста объемов международной торговли и создать новые препятствия для ее роста в ближайшие годы.

Ежегодные объемы мировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ) начиная с 1972 г. постоянно увеличивались, но с 2011 г. их рост фактически прекратился. Динамика объемов экспорта и прямых инвестиций с 1972 г. не совпадала: если рост экспорта на протяжении нескольких десятилетий был относительно стабильным, то динамика ПИИ волнообразна. Чередование периодов роста и сокращения объемов вкладываемых средств объясняется чувствительностью инвестиций к колебаниям экономической конъюнктуры и вариативной природой потребности во вложениях.

Основной причиной стабилизации объемов ПИИ с 2011 г. считается постепенное сокращение их доходности. Так, если в 2012 г. их средняя доходность составляла 8.1%, то к 2017 г. она понизилась до 6.7% [10]. На протяжении достаточно длительного периода (до 2007 г.) развитые страны были наиболее привлекательными для ПИИ. Это объяснялось наличием здесь устойчивой институциональной базы, развитой финансовой инфраструктурой и высокой емкостью национальных рынков. До 2008 г. их доля в мировых объемах при наличии определенных колебаний не опускалась ниже 74.1% (1995 г.). Начиная с 2008 г. она демонстрировала некоторую тенденцию к сокращению, но с 2015 г. вновь начала расти.

При выборе региональных направлений инвесторы стремятся к диверсификации прямых вложений. При наличии определенных преимуществ индустриальных стран следует указать на большую равномерность в международном рас-

¹ Здесь и далее приводятся статистические данные Всемирного банка, на основе которых проведены расчеты автора.

пределении данной категории инвестиционных потоков. В 2000 г. вкладываемые в ведущие страны Западной Европы (Германию, Великобританию, Францию, Италию) ПИИ составляли 387.7 млрд долл., в США – 321.2 млрд. При этом объемы прямых вложений в Китай, Индию, страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии не превышали в сумме 140 млрд долл. В 2017 г. в эти регионы было направлено более 400 млрд долл., в то время как объемы капитала, вкладываемого в США и ведущие страны Западной Европы, существенно не изменились.

При прогнозировании объемов зарубежного инвестирования в будущем необходимо учитывать динамику ВВП, характер изменения цен на различные виды товаров, приоритеты экономической политики отдельных стран. Пандемия *COVID-19*, бесспорно, негативно скажется на динамике капиталовложений, прогнозируется спад их объемов на 30–40%. Подобное положение дел имеет явно конъюнктурный характер. Не исключен и определенный вклад прямых инвестиций в процесс восстановления экономики после пандемии [11]. Однако если сокращение объемов ПИИ в связи с пандемией только лишь намечается, то фактическое прекращение их роста в посткризисный период представляет собой заметную тенденцию.

В 1970-е годы началась ликвидация административных барьеров на пути трансграничного движения капиталов. Существенное развитие получило международное кредитование. Рост капитализации компаний способствовал росту международных портфельных инвестиций. Если в 1970–1980-е годы объемы этих показателей были незначительны, то начиная с первой половины 1990-х годов их роль в мировой экономике существенно возросла. Объемы международных кредитов в этот период варьировались в диапазоне 370–1450 млрд долл. С 2003 по 2007 г. они стремительно росли и достигли 3.6 трлн долл.

В период мирового экономического кризиса объемы международных кредитов принимали отрицательное значение, а в 2010–2019 гг. не превышали 2.2 трлн долл., что значительно ниже предкризисного уровня. Максимальный рост международных портфельных инвестиций пришелся на середину 2000-х годов (3.2 трлн долл. в 2007 г.). В посткризисный период (2010–2019 гг.) объем международных портфельных инвестиций колебался в диапазоне от 0.8 трлн (2016 г.) до 2.4 трлн долл. (2014 г.) [12, 13].

Примечателен тот факт, что при общем сокращении и стабилизации международных потоков капитала в развивающихся странах (в частности, в Азиатском регионе) они существенно выросли. В посткризисный период банки Японии, Гонкон-

га, Южной Кореи и Тайваня значительно повысили свою международную кредитную активность в соседних странах. Кредиты в настоящее время предоставляются в первую очередь предприятиям из Китая, Малайзии, Индии.

Финансовая составляющая глобализации вызывает много дискуссий, в рамках которых отмечаются ее позитивные и негативные аспекты. Начиная с 2010 г. предпринимаются систематические попытки усилить глобальный финансовый контроль на уровне Базельского комитета и *G20*.

Современная стадия НТП характеризуется большим количеством инноваций, многие из которых стали результатом работы интернациональных команд специалистов. Волны НТП передаются из одной страны в другую. Однако здесь существует ряд проблем. Например, более половины зарегистрированных патентов закреплены за США, Японией и Германией, а около 90% патентов приходится на 10 ведущих стран. В глобальном инновационном рейтинге в первую десятку входят исключительно развитые индустриальные страны. Среди прочих государств в числе первых 20 в данном рейтинге находится лишь КНР (14-е место) [14].

Развитию глобальных хозяйственных транзакций способствует стремительное распространение инновационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и формирование глобального информационного пространства. Цифровизация различных сфер общественной жизни также характеризуется известной неравномерностью и межстрановыми различиями.

Индустриальные страны по-прежнему значительно превосходят остальной мир по количеству мобильных соединений на 100 человек и числу домохозяйств, имеющих компьютер и обладающих доступом в Интернет. По трем вышеупомянутым показателям развитые страны опережают развивающиеся в 1.5–3 раза. В 2017 г. базовые навыки работы с ИКТ в передовых странах имело 68% населения, в остальных – около 40 и в самых бедных странах – 22% [15]. Таким образом, несмотря на существенную и неоспоримую роль ИКТ как фактора глобализации, сохраняются ощутимые различия в их развитии и распространении.

С 1980 по 1990 г. ряд развивающихся стран начали проводить политику либерализации внутренних рынков. В конце 1980-х кризис внешней задолженности стал своеобразным стимулом для внесения корректив во внешнеэкономическую политику в сторону большей открытости. Первичные результаты такой либерализации неоднозначны. В связи с этим имеющие некоторую популярность в настоящее время идеи “нового национализма” относят и к развивающимся странам [16].

Глобализация проявляется также в процессе становления и развития региональных экономических и торговых блоков. К началу 2000-х годов между странами — членами ВТО было заключено более 150 региональных соглашений. Этот процесс получает крайне противоречивые оценки: варьирующие от трактовки регионализации как этапа глобализации до признания их в качестве “антиглобалистской” тенденции [17].

Развитие региональных блоков в последние годы сталкивается с явными препятствиями. В 2020 г. завершилась процедура выхода Великобритании из состава ЕС. В других блоках какого-то значительного прогресса в углублении интеграции также не наблюдается. Валютные союзы по образцу ЕС практически нигде не возникли (за исключением некоторых зон, где национальная валюта привязана к евро или доллару США). Более того, создание таможенного союза и единого рынка в АСЕАН, МЕРКОСУР и Андском сообществе сопряжено с определенными преградами [18].

Наконец, межрегиональные интеграционные проекты также еще не стали реальностью. Переговоры по Соглашению о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве до сих пор не завершены. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве действует, но в 2017 г. из него вышли США. Все это свидетельства того, что развитие региональных экономических и торговых блоков как формы глобализации в последние годы сталкивается с серьезными трудностями.

С 2000-х годов наблюдается возрастание активности ТНК. В настоящее время на них приходится более 1/3 международных торговых операций, и они были главными инициаторами международных инвестиционных проектов. Только лишь зарубежные дочерние структуры ТНК производят более 10% мирового ВВП [19]. По состоянию на 2019 г. рыночная стоимость лидеров по данному показателю составляла более 900 млрд долл., что практически равно ВВП Нидерландов. Объем продаж колебался в диапазоне 400–500 млрд долл., что сопоставимо с ВВП Швеции и Норвегии. Прибыль составляла 40–45 млрд долл., что сравнимо с ВВП Коста-Рики, Латвии или Эстонии. Так, из первой сотни крупнейших ТНК более 80 зарегистрировано в развитых странах (большинство в США). Таким образом, и здесь очевидно явное доминирование ведущих индустриальных держав. Исключением стала лишь экономика Китая, где некоторые компании (прежде всего в финансовой сфере) вошли в число крупнейших корпораций мира.

Развитие международных образовательных программ привело к усилению международной миграции населения. Рост числа мигрантов характерен для развитых индустриальных государств,

куда выходцы из других стран стремятся попасть в поисках лучшей жизни. В 1990 г. здесь проживало 75.8 млн мигрантов; в 2000 г. — 101 млн, а в 2015 г. — 157.7 млн (лидерами по доле мигрантов в общей численности населения по состоянию на 2015 г. были Австралия (28.2%), Канада (21.8%), США (14.5%)). Определенную роль здесь играют международный статус английского языка, а также особенности миграционной политики. В странах с низким и средним уровнями доходов число мигрантов в 1990-е годы оставалось стабильным (71–75 млн) и только к 2015 г. несколько увеличилось (85.5 млн человек).

В конце 1980 — начале 1990-х годов начался распад мировой системы социализма, существование которой можно было рассматривать в качестве своеобразного тормоза на пути развития глобальных процессов, хотя бывшие социалистические страны до сих пор играют довольно скромную роль в современном глобализирующемся мире. На долю стран Восточной Европы в 2000 г. приходилось лишь 2.1% объемов мирового экспорта и 1.6% привлекаемых ПИИ. В 2010 г. аналогичные показатели были соответственно 3.7 и 2.3%; в 2018 г. — 4.4 и 3.6%. Похожим образом выглядит ситуация и в странах постсоветского пространства. Их доля в объемах мирового экспорта в 2000 г. составляла 2.1%, в 2010 г. — 3.5 и 9% в 2018 г.; а в объемах привлекаемых ПИИ — 0.4% в 2000 г., 3.7% в 2010 г. и 1.6% в 2018 г.

Таким образом, определенное движение в направлении формирования гомогенного хозяйственного миропорядка продолжается. Достигнутый уровень “глобальности” достаточно высок. Однако отчетливо проявляются и некоторые тенденции, которые можно рассматривать как препятствие на пути дальнейшего прогресса. Поэтому введение в научный оборот термина “деглобализация” представляется дискуссионным — небесспорным, но и не лишенным основания [20]. Происходящие в мировой экономике в настоящее время процессы свидетельствуют о том, что глобальный мегатренд если и не развернулся в обратном направлении, то несколько замедлился и находится на некотором распутье.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ: ЕСТЬ ЛИ РЕАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

На протяжении многих лет глобализация как мегатренд периодически подвергается критическим оценкам. Аргументация противников глобализма сводится не столько к отрицанию прогрессивности этого процесса как стадии в развитии мирового хозяйства, сколько к критике сложившейся модели [21]. В последние 10 лет популярность приобрел термин “альтернативная (другая) глобализация” [22]. В ее основе лежит гипотеза

о необходимости усовершенствовать нынешнюю модель, которую можно охарактеризовать как “глобальный капитализм”.

Характеризуя существующую до сих пор модель глобализации, обозначим некоторые ее важные признаки, содержащие в том числе и проблемные аспекты. Так, для нее характерна острая конкуренция в глобальном масштабе. В 1990-е годы распространение получил термин “гиперконкуренция”, что означает большую интенсивность конкуренции и непредсказуемость исхода конкурентной борьбы. Столкнувшись в таких условиях с проблемой экономики издержек, ТНК стремятся максимально эффективно использовать новые возможности формирования цепочек создания стоимости.

Вместе с тем этот процесс обуславливает и деиндустриализацию, проявляющуюся в сокращении рабочих мест в промышленности, в том числе и для высококвалифицированных рабочих в странах происхождения ТНК. Индустриализация стала причиной существенных структурных деформаций во многих странах. Наличие данной проблемы мотивирует к принятию контрмер [23].

Для современной мировой экономики характерны определенные дисбалансы в движении международных торговых потоков. Для некоторых стран (США, Индии), из года в год демонстрирующих отрицательное экспортно-импортное сальдо, суммарное превышение импорта над экспортом в последние десять лет было достаточно велико. Так, чтобы сбалансировать это сальдо, США должны осуществить экспорт в объеме, в 1.99 раза превышающем его среднегодовое значение в 2010–2018 гг., при отсутствии импорта. Напротив, некоторые страны (Россия, Германия, Китай) за последние десять лет достигли существенного превышения суммарного экспорта над суммарным импортом. Торговые связи ряда других стран (Австралии, Франции, Японии) более сбалансированы.

Перетекание финансовых ресурсов международных торговых операций еще не означает, что страна, демонстрирующая регулярное превышение импорта над экспортом, не имеет шансов на достижение устойчиво высоких темпов экономического роста. Необходимо учитывать и такие факторы, как структура экспортно-импортных операций для отдельных стран и волатильность цен на сырьевые ресурсы. Поэтому абсолютизировать значение чистого экспорта как фактора экономического роста все же не следует.

Вместе с тем отсутствие чистого экспорта в течение ряда лет – тревожный сигнал для экономики страны. Реакция на него выражается в применении протекционистских мер. Характерным феноменом в данном контексте стала торговая война между США и Китаем, начавшаяся в 2018 г. Фактически речь шла

об установлении обеими сторонами сравнительно высоких ставок таможенных пошлин на широкий перечень наименований ввозимой продукции.

Обострение торговых противоречий между этими двумя странами неслучайно. Китай и США – две крупнейшие на сегодняшний день национальные экономики. Экспортно-импортное сальдо регулярно оказывалось положительным для Китая и отрицательным для США. В период с 2010 по 2017 г. Китай экспортировал в США товары и услуги в объеме от 364.9 млрд долл. (2010 г.) до 505.5 млрд (2017 г.). При этом импорт Китая из США колебался в диапазоне от 91.9 млрд до 129.9 млрд долл. [24].

Торговая война между США и Китаем – наиболее яркий пример фактического отказа от принципа последовательной либерализации международного торгового порядка, который можно назвать важнейшим элементом современной глобализационной модели. Подписанное в январе 2020 г. торговое соглашение между двумя странами свидетельствует о том, что они по-прежнему являются крайне значимыми торговыми партнерами друг для друга и находятся в состоянии сильной взаимной зависимости. Дальнейшие сценарии взаимоотношений этих двух стран, а также других крупнейших глобальных игроков пока представляются неоднозначными.

В период глобализации все также актуален вопрос о сохранении социальной дифференциации, которая в последние десятилетия не только не сокращается, но и зачастую увеличивается. Можно предположить, что современная модель глобализации создает существенные предпосылки для роста доходов сравнительно небольшой группы владельцев значительной части активов компаний, успешных функционирующих на глобальных рынках.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в мире с 1920 по 1980 г. доля активов, принадлежащих 1% населения, сокращалась, а затем начала увеличиваться [25]. Рост доходов 1% богатейших слоев населения с 1980 по 2016 г. превышал аналогичный показатель для всего населения в 1.7 раза для мира в целом, в 1.9 раза – для Европы, в 3.3 раза – для США и Канады, в 2.3 раза – для Китая и в 3.8 раза – для Индии. Если же взять еще более узкий слой (0.01% или 0.001% богатейших слоев населения), рост доходов оказывается еще более значительным.

Современное мировое хозяйство характеризуется несовершенством глобальной институциональной структуры при большом разнообразии наднациональных институтов. Некоторые из них по количеству стран-участниц и охвату международных хозяйственных трансакций (ВТО, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР) имеют глобальный статус

и сходные целевые ориентиры. Главными частями программ их деятельности называются достижение устойчивого глобального экономического роста, развитие конкуренции, содействие проведению реформ в развивающихся странах, общее повышение там благосостояния населения.

Многие цели глобальных институтов фактически имеют декларативный характер, а арсенал располагаемых административных инструментов недостаточен для их достижения. Кроме того, в состав руководства глобальных институтов входят в основном представители развитых индустриальных стран. Соответственно, политика таких организаций не может полностью обеспечить баланс экономических интересов всех стран-участниц.

Наконец, будущий состав и полномочия глобальных институтов также остаются не до конца прозрачными. В частности, одной из причин неэффективности ВТО можно назвать запоздалую реакцию на современные вызовы, что, в частности, обусловлено особенностями процедуры принятия решений [26].

Несовершенство глобальной институциональной структуры проявляется также и в том, что в настоящее время еще в значительной мере не отлажен механизм взаимодействия институтов мирового, регионального и национального уровней. Неслучайно на повестку дня выходит вопрос о реформировании институтов в направлении повышения транспарентности их деятельности и совершенствовании функционального распределения обязанностей между отдельными комитетами [27]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, членами которого в 2014–2015 гг. стали 57 государств, рассматривается как потенциальный конкурент МВФ и Всемирного банка. Можно предположить, что будущее процесса глобализации зависит от того, в какой мере удастся усовершенствовать деятельность самих этих институтов и усилить взаимодействие институциональных образований на всех уровнях.

Можно однозначно говорить о заметном несовершенстве глобального капитализма как модели глобализации, что становится предметом критики и служит основанием для усиления протекционизма. В то же время какие-либо возможности перехода к иной глобализационной модели в настоящее время не просматриваются. Попытки проводить протекционистские мероприятия имеют локальный характер и относятся к национальным государственным инициативам. При этом глобальные институты не настолько всесильны (и, вероятно, недостаточно мотивированы), чтобы инициировать сколь-нибудь значимые изменения сложившейся модели. Поэтому критические аргументы антиглобалистов и их призывы к переходу к “иной глобали-

зации” скорее декларативны и не отражают современные реалии организации хозяйственной жизни.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ИЛИ ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ?

Термин “догоняющее развитие” означает постепенное сокращение дистанции между передовыми и отсталыми странами. Поляризация сводится к усилению дифференциации в экономическом развитии, которое, в частности, выражается в различии уровней доходов населения отдельных государств [28]. К моменту начала современной стадии глобализации индустриальные страны уже превосходили развивающиеся и, соответственно, имели преимущества в глобальной конкуренции. С другой стороны, некоторые развивающиеся страны обладают большими запасами сырьевых ресурсов и сравнительно дешевой рабочей силой.

Эффект догоняющего развития традиционно связывается с более высокой доходностью инвестиционных вложений, характерной для развивающихся стран [29]. Кроме того, эти страны могут закупать уже готовые технологические достижения, а не тратить средства на их разработку и тем самым обеспечивать более высокие темпы экономического роста.

Успешными примерами догоняющего развития стали четыре восточноазиатских “тигра” — Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, которые после Второй мировой войны сначала существенно сократили, а затем почти полностью преодолели отставание. Соотношение доходов населения в странах с высоким уровнем и странах с низким и средним уровнями доходов (терминология ВБ) в 1970–1990-е годы варьировалось в диапазоне от 12 до 21 раза, а с 2013 г. стабилизировалось приблизительно на уровне 9 раз. По паритету покупательной способности оно сократилось с 7.2 (2000 г.) до 4.3 раза (2018 г.). Доля населения, проживающего в странах с высоким уровнем дохода, демонстрирует тенденцию к некоторому сокращению, к 2018 г. она составляла около 16%.

Автором проведено эмпирическое исследование взаимосвязи уровня глобализационной активности отдельных стран. Для ее оценки использован *KOF Globalization Index* — интегральный показатель, разработанный Швейцарским экономическим институтом и характеризующий степень вовлеченности страны в процесс глобализации с учетом экономических, политических и социальных факторов² [30] и динамики ВВП на душу населения.

² Международная торговая и инвестиционная деятельность; международная миграция, туризм и образовательные программы; посольства, представительства в ООН, международные неправительственные организации.

Первые 25 позиций по значению индекса *KOF* занимают страны с высоким уровнем дохода. Для анализа были выбраны страны, имеющие места в рейтинге, начиная с 3-го десятка: Малайзия (27), Турция (47), ЮАР (58), Перу (61), Филиппины (74), Китай (87), Бразилия (96), Индия (101), Шри-Ланка (112), Алжир (121), Гамбия (136), Камерун (147), Бангладеш (159), Суринам (164), Гвинея-Бисау (178), Бурунди (182), то есть одна страна на 10 позиций в рейтинге. Анализ динамики ВВП показал, что практически ни одна страна, за исключением Китая, в период с 1972 по 2018 г. не сократила отставание от развитых индустриальных стран.

Только один пример – китайская экономика – представляет собой очевидное эмпирическое доказательство феномена догоняющего развития. Что касается других государств, то они до сих пор не смогли в полной мере использовать шансы, предоставляемые современной моделью глобализации, и обеспечить существенный рост относительных доходов своего населения.

Автором рассчитан коэффициент корреляции между значениями индекса *KOF* для выбранных стран и значениями показателя ВВП на душу населения ($r = 0.68$). Отчетливо (за небольшим исключением) прослеживается взаимосвязь: чем выше значение индекса *KOF*, тем выше уровень среднедушевых доходов. С одной стороны, более высокие среднедушевые доходы отражают уровень развития страны и характеризуют условия для большего участия в глобализационной активности. С другой стороны, участие в этих процессах может способствовать экономическому прогрессу, что отражается на уровне среднедушевых доходов. Последнее явно характерно для экономики Китая.

Доля беднейших слоев населения постепенно уменьшается, но и здесь присутствует межстрановая дифференциация. Число лиц, проживающих менее чем на 5.5 долл. в день, в странах с низким и средним уровнями доходов сократилось с 82

(1990 г.) до 55% (2015 г.). В развитых индустриальных странах доля столь малообеспеченных лиц крайне мала и в последние годы колеблется в диапазоне 1–2%. Тем самым в условиях глобализации происходит постепенное сокращение числа лиц, проживающих в условиях крайней бедности, что дает основание ожидать роста общественного благосостояния в мире в целом.

Несомненно, важную роль сыграли процессы, выражающие суть глобализации. Например, открытие филиалов иностранных компаний во многих странах приводит к созданию новых рабочих мест, стимулирует развитие конкуренции и тем самым способствует повышению эффективности производства и росту производительности труда. Таким образом, в условиях глобализации растет уровень доходов населения в целом, но значительная межстрановая дифференциация не позволяет сделать однозначный вывод о преобладании догоняющего развития над поляризацией.

***

Процесс глобализации означает усиление гомогенности хозяйственного миропорядка, вероятным результатом которого в отдаленном будущем будет превращение мировой экономики в систему с едиными условиями ведения хозяйства. Экономический кризис 2008–2009 гг. создал известные вызовы, которые проявились в замедлении роста объемов хозяйственных трансакций, очевидных трудностях в развитии региональной интеграции, обострении торговых противоречий и усилении протекционистских тенденций. Особенности современной глобализационной модели стали основанием для скептицизма, а также различных инициатив, направленных на совершенствование современного мирохозяйственного устройства. Но надо ясно понимать, что в настоящее время сложившаяся модель глобализации не имеет реальной альтернативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bernholz P. Globalisierung: ein neues Phänomen? Theurl T., Smekal C., Hrsg. *Globalisierung*. Tübingen, Mohr Siebek Verlag, 2001. 326 S.
2. *World Development Report 1995: Workers in an Integrating World*. World Bank. New York, Oxford University Press, 1995. 125 p.
3. Stierle M. *Globalisierung und Globalität: Schrittmacher, Merkmale, Reversibilität*. Berlin, INFER, 1999. 23 S.
4. Friedrichs J. Globalisierung – Begriff und grundlegende Annahmen. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Bonn, Bundeszentrale für Politische Bildung, 1997, vol. 47, SS. 3–11.
5. Фейгин Г.Ф. *Закономерности глобализации и развитие национальных экономик*. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2009. 235 с. [Feigin G.F. *Zakonomernosti globalizatsii i razvitiie natsional'nykh ekonomik* [Patterns of the globalization and the development of national economies]. St. Petersburg, St. Petersburg state university of economy and finance, 2009. 235 p.]
6. Ambrosius G. *Globalisierung. Geschichte der internationalen Wirtschaftsbeziehungen*. Wiesbaden, SpringerVerlag, 2018. 479 S.
7. Gronholz M. *Kulturelle Globalisierung und internationale Kooperation*. Wiesbaden, SpringerVerlag, 2013. 344 S.

8. *World Bank Open Data*. World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 10.05.2020).
9. *COVID-19 and International Trade: Issues and Actions*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-and-international-trade-issues-and-actions-494da2fa/> (accessed 10.05.2020).
10. *World Investment Report 2018. Investment and World Industrial Policy*. UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2018_en.pdf (accessed 10.05.2020).
11. *Foreign Direct Investment Flows in the Time of COVID-19*. OECD. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132646-g8as4msdp9&title=Foreign-direct-investment-flows-in-the-time-of-COVID-19 (accessed 10.05.2020).
12. James E., McLoughlin K., Rankin E. Crossborder Capital Flows since the Global Financial Crisis. *Reserve Bank of Australia Bulletin*, 2014, June Quarter, pp. 65-72.
13. *World Investment Report 2019. Special Economic Zones*. UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (accessed 10.05.2020).
14. *World Intellectual Property Indicators 2018*. WIPO World Intellectual Property Organization. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2018.pdf (accessed 10.05.2020).
15. *Measuring the Information Society Report, vol. 1, 2018*. ITU. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-1-E.pdf> (accessed 10.05.2020).
16. Bieber F. Is Nationalism on the Rise? Assessing Global Trends. *Etnopolitics*, 2018, vol. 17, no. 5, pp. 519-540.
17. Breuss F. Die Globalisierungs- und Erweiterungsstrategie der EU. *Wirtschaftspolitische Blätter*, 2018, no. 3, SS. 343-358.
18. Veiga P., Rios S. *MERCOSUR Experience in Regional Integration: what Could Africa Learn from It?* Available at: <https://www.policycenter.ma/sites/default/files/PCNS-PP1907.pdf> (accessed 10.05.2020).
19. *Multinational Enterprises in the Global Economy*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/industry/ind/MNEs-in-the-global-economy-policy-note.pdf> (accessed 10.05.2020).
20. Herrero A.G. *From Globalization to Deglobalization: Zooming into Trade*. Available at: <https://www.bruegel.org/2020/02/from-globalization-to-deglobalization-zooming-into-trade/> (accessed 10.05.2020).
21. Stiglitz J. *Die Schatten der Globalisierung*. Berlin, Siedler Verlag, 2002. 304 S.
22. Stadt Wien, Wirtschaftsuniversität Wien. *Gutes Leben für alle braucht eine andere Globalisierung. Werkstattbericht* 173. Available at: <https://www.wien.gv.at/stadtentwicklung/studien/pdf/b008513.pdf> (accessed 10.05.2020).
23. *Protectionism in the 21st Century*. Kommerskollegium. Available at: <https://www.kommerskollegium.se/globalassets/publikationer/rapporter/2016/publ-protectionism-in-the-21st-century.pdf> (accessed 10.05.2020).
24. Carfagno B., Ker M. *Trends in Trade: U.S. China Goods Trade 2012–2017*. Available at: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Trends%20in%20Trade%20Staff%20Report.pdf> (accessed 10.05.2020).
25. Alvaredo F., Chanel L., Piketti T., Saez E., Zucmann G. *World Inequality Report 2018*. Available at: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (accessed 10.05.2020).
26. Оболенский В. Камни преткновения на пути реформирования ВТО. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 13-20. [Obolenskiy V. Kamni pretkoveniya na puti reformirovaniya WTO [Stumbling stones in the way of WTO reformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 13-20.] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-13-20>
27. Bhasin N., Gupta S. Reforms in International Monetary Fund (IMF). Challenges and the Road ahead. *Management and Economics Research Journal*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 19-29.
28. Fagerberg J., Shrolec M. National Innovation Systems, Capabilities and Economic Development. *Research Policy Elsevier*, vol. 37 (9), Oct. 2008, pp. 1417-1435.
29. Popov V. *Catching up: Developing Countries in Pursuit of Growth*. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/77cc/19959ae77fd85b8cc7e885197b10f49ff0fd.pdf> (accessed 10.05.2020).
30. *KOF Globalization Index*. ETH Zürich KOF. Available at: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 10.05.2020).

GLOBALIZATION OF WORLD ECONOMY: TRENDS AND CONTRADICTIONS

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 5-13)

Received 01.11.2020.

Grigorii F. FEYGIN (fgrig@list.ru),

St. Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russian Federation;

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 15 Fuchika Str., St. Petersburg, 192238, Russian Federation.

The interpretation of the term “globalization” and differences to other terms characterizing the development of the world economy (internalization of the world economy, internal division of labor, regional integration) is given. The main signs of globalization (dynamic of trade volumes, FDI inflows, portfolio investments and international credits; internalization of technical progress; digitalization of economy; development of regional economic integration, global migration; TNC activities; transformation processes in the former socialistic countries) are summarized. The focus is

on differences between long trends (since 1970) and actual development after the crisis (since 2010). The legitimacy of introduction of the term “deglobalization” is discussed. The modern model of the globalization (global capitalism) is analyzed. Based on some characteristics of this model (global competition, market fluctuations, unbalanced trade flows, social differences, fragility of the global governance), the critical arguments are considered and opportunities of transition to the new model of globalization in the next future are estimated. The relation of catch-up development and polarization in the era of the globalization is analyzed. The dynamics of GDP development of countries in 1972–2018 are summarized. The focus is on the relation between GDP per capita for countries with high income and countries with both low and middle income. The influences of global activities of countries on the level of GDP per capita are highlighted. The empirical basics are data of KOF-Index. The sample includes countries with both middle and low income which held positions in the ranking in KOF-Index from 27 till 182. The positive interdependence between (based on the KOF-Index) and level of GDP is identified. The conclusion about the potential future of the globalization is given.

Keywords: globalization, international trade, foreign direct investments, international portfolio investments, regional integration, model of the globalization, catch up development, KOF-Index.

About author:

Grigorii F. FEYGIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13